

Владимир Свердлов

Дела небесные, земные...

Взглядом программиста

Владимир Свердлов

Дела небесные, земные...
Взглядом программиста

«Издательские решения»

Свердлов В.

Дела небесные, земные... Взглядом программиста /
В. Свердлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936352-7

Любовь человеческая — что это? Кто пишет коды наших судеб? Что остаётся, когда уходит надежда и кавалерия не придёт? Всегда ли белые одежды — символ чистоты, а царственный пурпур — знак благородства? В фэнтезийном романе В. Свердлова мы не всегда можем распознать: кто же главный герой? Обычный программист, чей день начинается с чашки кофе, или тот, кто в ответе за всех — там, на земле, и готов на восстание и падение, чтобы в конце все фрагменты сошлись в одно целое, и всё оказалось очень просто.

ISBN 978-5-44-936352-7

© Свердлов В.
© Издательские решения

Содержание

Начало	6
Воскресенье	8
Понедельник	10
Среда	11
Спасение Объекта	13
История осенней любви	16
Подготовка	19
Экзамен	20
Ночь	21
Кофе	23
Любовь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дела небесные, земные... Взглядом программиста

Владимир Свердлов

*Кто знает, как жить – скажите!
Кивните хотя бы слегка,
Иль руку свою протяните
Туда, где белы облака...*

Корректор Галина Андреева

© Владимир Свердлов, 2018

ISBN 978-5-4493-6352-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

Начальник Департамента обвёл помещение взглядом. Все на месте. Дисциплина – прежде всего. Он не терпел всех этих новомодных штучек. Даже документация велась на бумаге. А то у некоторых он замечал... Всякие... Но с этим он ещё разберётся... хотя силуэт надкусанного яблока на стенках некоторых этих... ему нравился. Напоминал ему об одном деле, которое он когда-то в своё время так удачно провернул.

Да. Первые проекты – самые запоминающиеся. Самые... романтические.

Так, ладно, что за сантименты. Работать надо.

Ровно в назначенное время он открыл первую папку с делами. Он всё делал сам. Все эти делегирования, заместители, помощники... Это всё путь к развалу. Вертикаль знаете? Он завёл такой порядок с самого начала, и он не собирался ничего менять. Не нужно ничего менять, когда всё хорошо. У них в Департаменте всё было хорошо.

Он всё делал и контролировал сам. Именно поэтому он в курсе всех дел. Ну, кроме самых незначительных. Нужно признать, что с момента основания Департамент существенно разросся, а количество ведущихся дел... Он, наверное, сразу даже и не скажет, сколько одновременно дел ведётся сейчас в Департаменте. Да, если честно, он и не всех сотрудников уже знает в лицо. Особенно новых. Конечно, и возраст уже сказывается. Хотя... Иногда встречаются в коридорах молодые ведьмочки с раскосыми глазами...

Так. Всё. Собрался. Дел полно.

Обвёл всех взглядом. Нет, кажется, никто ничего не заметил. Хотя, если и заметили, не покажут вида. Хитрые черти.

Всё, работаем. Ему днём ещё надо успеть на одно мероприятие.

Итак, кадровый вопрос. Кадровые вопросы он считал одними из самых важных, и всегда с особым вниманием вчитывался в детали. Он любил этим заниматься. Как там – «работа с людьми»? Он усмехнулся. Особенно ему нравилось второе слово. Он помнил почти всех своих – ну, конечно, незаурядных. А другими, заурядными, кто никакого интереса не представлял, – он ими не занимался. Вот этих он с чистой совестью делегировал. И никогда не принимал от них никаких жалоб, через какие бы каналы они ни приходили. Право на жалобы надо ещё заслужить.

Итак, кадровый вопрос. Он посмотрел на подготовленные материалы дела. Краткая справка: «Исключительна красива. Знает это. Готова на всё. Коэффициент пригодности – девять с половиной». Глянул на прилагающийся к делу скетч углём – он не терпел никаких этих там... Только чёрно-белые эскизы. От руки. Им приходилось держать внушительный штат скетчистов и даже настоящих художников. Но их, правда, легко набирали оттуда. В обмен на некоторые привилегии. Ну а с углями проблем у них вообще не было. Он опять усмехнулся. Настроение с утра было хорошее.

Да, подходит. Хороший выбор. Её потом можно саму использовать для разработки её же контактов. Такие особенно ценились. Отлично. И дополнительные усилия минимальны.

– Отлично! Хорошая работа, все!

Он закрыл папку. Перстень чёрного камня с искусно вырезанным изображением чёрной вдовы отразил свет факелов. Он не терпел всех этих новомодных штучек... лампы, люстры всякие... всё это глупости. Это для тех, там.. откуда им кадры поступают.

Он любил кровавые отблески от факелов на стенах. И стук каблуков по каменным плитам. Так, чтобы сердце билось в несказанной тревоге. Он ещё раз взвесил папку в руке и положил её в стопку утверждённых к исполнению.

Он сам утверждал подходящие кандидатуры.

Неделя начиналась хорошо.

Воскресенье

Он был старым сотрудником Канцелярии. Одним из тех вечных технарей, которых никогда не продвигают на более высокие должности, потому что всем и всегда нужны специалисты, которые могут делать работу. За своё время работы в Канцелярии он прошёл не через один отдел, в результате многих организаций и реорганизаций у него сменилось немало начальников, но он так и оставался вечным технарём, к которому обращаются тогда, когда все планы горят, сроки сорваны, проекты на графиках раскрашены в кроваво-красные цвета и риск провала оценивается в девяносто пять процентов.

Он был технарём с ненормированными рабочими часами, с отпуском – только по завершении проекта и сдачи дел в архив. Тот, кого отпускали на больничный со словами: «Руководство очень обеспокоено динамикой развития».

Он был технарём.

Поэтому, когда в воскресенье вечером его вызвали и предложили явиться к утру в офис, он знал, что отпуск у него опять закончился в первый же день, что ему, конечно, пообещают добавить к следующему и что, когда наступит следующий, в отделе кадров посмотрят на количество накопленных дней, проведут карандашом линию сверху листа и скажут: «Вот столько берите, а это...».

Он это знал. Поэтому, приняв вызов, он откинулся на спинку кресла и с дека своего дома в горах стал смотреть в закатное небо – туда, вниз, в скрываемое облаками далеко. Туда, где происходит столько всего, где находятся объекты их работы, которые надо вести, охранять, а иногда и спасать. В последнее время спасать надо было всё чаще. Хотя не всех. Но таких было мало.

Он вдруг вспомнил ту женщину. *Besame mucho...* Вообще-то, после закрытия дела все материалы сдаются в архив. Включая записи в памяти. Но он был старым ценным сотрудником. Он мог позволить себе некоторые нарушения правил. Он усмехнулся при слове «некоторые», вспомнив дневник, даже не дневник, так, черновые наброски под ворохом хлама в ящике стола... «Строжайше запрещено. Нарушение может повлечь за собой... вплоть до...». Ну да, ну да.

Он тронул струны лютни. *Besame...* Тогдашнее решение по объекту... *Besame mucho...* Они с аналитиками решили, что нет опасности захвата для той женщины. Как потом оказалось, правильно. У них был хороший Аналитический Отдел.

Он смотрел на пики гор, пронизывающие облака. У той женщины была та субстанция, которую иногда вкладывают в избранные объекты в отдельных, закрытых для всех помещениях Канцелярии. Та, которая строго учитывается, начиная со времён их основания, и которая по закрытии дела изымается назад – под подписи и на вес. Та, которая так интересует соседей, но получить которую невозможно. Носителей которой не нужно вести и охранять – у них свой путь.

Он смотрел на пики гор, пронизывающие облака и снизу, с той земли, стремящиеся вверх, в невыносимо чистое бирюзовое небо, и думал...

Впрочем, какая разница, что там думал технарь, которого отзывают из отпуска в первый же его день. Кого это интересует?

Было понятно одно. Очередной проект горит синим пламенем. Он поправил себя – красным. Красным пламенем. И он должен его вытащить.

Он – технарь.

В понедельник с утра ровно в назначенное время он был в зале совещаний.

Понедельник

Начальник Канцелярии был сильно не в духе. Последнее время дела шли враздрай. Всё время приходилось принимать срочные меры и реагировать на чрезвычайные обстоятельства. Но в дополнение к обычной рутине последнего времени каждый понедельник приносил свои неприятности. Каждый понедельник с утра... Вернее, каждое воскресенье с вечера у него уже было плохое настроение. Он знал, что завтра всё это будет опять. В понедельник утром ему на стол ложился доклад аналитиков. Он уже не хотел открывать эти доклады. Но тогда... Куда тогда? На пенсию? Он смутно помнил, что до них уже были две или три организации. Когда их начальники уходили... Когда их начальников «уходили», они закрывались и от них ничего не оставалось. Правда, тогда ни про какие пенсии разговоров не шло. Полная и персональная ответственность. Какая пенсия?!

Он чувствовал. Нет, он знал. Достаточно посмотреть на графики и на статистику. Это было видно всем. Они проигрывают соседям по всем показателям. Вот и сейчас. Он листал доклад и обращал внимание на выделенные места. Опять. Неделя начиналась плохо. Отвратительно. Надо менять все подходы, всю тактику, все методы. Всё. И делать это срочно. Времени больше нет.

С этими мыслями он вошёл в зал совещаний.

– Вы уже ознакомились с материалами? Нужно понимать, что это всё – результат активности соседей, которая в последнее время значительно выросла и теперь ставит под угрозу многие наши планы. Точнее, почти все. Я обдумал тенденцию последнего времени и пришёл к выводу, что нам надо полностью менять подходы. Мы не можем больше только реагировать на их действия. Рано или поздно это приведёт к поражению. Мы уже потеряли инициативу. Надо сорганизоваться и начинать действовать, и действовать активно, умно, мысля стратегически и широко. Для начала нам нужно не допустить осуществления плана соседей, вскрытого нашими аналитиками.

Он обвёл взглядом сидящих за столом и возвысил голос. Такого не бывало ещё в Канцелярии:

– Кстати, аналитики – единственные, кто у нас нормально работает. В других отделах везде полный бардак! Надо начинать работать! Хватит уже здесь! У нас новый исполнитель. Специально отозванный из отпуска. Я предлагаю дать время до среды, чтобы выработать план действий. Я жду ото всех плана действий! Ото всех! На сегодня – всё!

Начало было многообещающее. Такого никто из собравшихся не помнил.

Среда

Он листал дело. С самого начала он понял, что случай крайне сложный. Сопровождение и охрану дают новичкам, для которых наскоро сколачивают Совет Наблюдателей из первых попавшихся сотрудников. Более молодой на его месте переспросил бы, правильно ли он понял. Ему это было не нужно. Он знал, что понял правильно. Поэтому сразу же, не дожидаясь положенных материалов, сделал запрос на все возможные данные, включая те, что обычно не запрашивают и не выдают. По тому, что он получил почти всё, что запросил, и по скорости получения, он понял, что он не ошибся.

Опыт – великая вещь. Он не просто не ошибся. Будь он помоложе, он заподозрил бы ошибку Планового Отдела. Два объекта не просто не подходили друг другу по заложенным параметрам и посткреативной доводке. Они были совершенно разные. Он читал дело и обводил карандашом едва заметные штрихи, знаки, пропущенные аналитиками. Нет, они не сделали ошибку. Просто... Не всегда белые одежды – символ чистоты, а царственный пурпур – знак благородства...

Он отодвинул папку и задумался. Вспомнил свои прошлые назначения. Смутно, изда-лека – переходы в полутёмных замках. Тайные лестницы. Шум, сдавленные крики. Порошки в бокалах. Жестокость... Жестокость. Нет, они были слишком разные. Настолько, что он впервые подумал, что здесь задача уже не в сопровождении и охране. Скорее уже надо говорить о спасении. Его опыт подсказывал, его ум говорил ему, что соседи готовят захват. И весь вопрос теперь – на каких стадиях они находятся. Он ещё раз пролистал дело. Если уже на поздних, тогда и про спасение, наверное, можно уже не думать. Тогда объект потерян. Но тогда и, пока не поздно, надо выводить всех, кого можно ещё попытаться спасти. И в первую очередь...

На экране высвечивались цветные графики. Он стоял на месте докладчика и рукой указывал на точки пересечений и перегибов. На заседании в среду обсуждался его план. Он был простой: спасение путём вывода тех, кто не является основной целью захвата и кого ещё возможно спасти (и все понимали, о ком речь). И, насколько возможно, попытаться спасти сам объект операции. Хотя это уже может быть слишком поздно. В таком случае – пытаться выиграть время.

Он увидел обращённые на него взгляды и добавил:

– На всякий случай, чтобы сохранить оперативную свободу.

Да, про сопровождение и охрану говорить уже не приходится. Операция соседей развивалась полным ходом, и у Канцелярии оставалось не так много времени для манёвра.

– Дополнительно, – он продолжал ровным профессиональным голосом, – вывод спутника позволил бы ввести в действие новый объект и с его помощью попытаться переломить ситуацию. Для этого надо будет подобрать кого-нибудь из тех, у кого свой путь. Кто не попадает в сферу интересов соседей. Плановики смогут подобрать подходящую кандидатуру? Это мог бы быть шанс. В таком случае при благоприятных условиях из двойного захвата может получиться двойное спасение – и тогда это был бы крупный успех для Канцелярии и это дало бы нам сильную позицию на очередной Встрече, – он посмотрел на Старика. – Но это также означает, что Соседний Департамент будет особенно активно противодействовать плану.

– Это всё выглядит неплохо, – Старик подумал. – Но есть одна неприятная деталь.

– Да. Нам придётся пересматривать некоторое количество уже утвержденных планов, и, главное, менять записи в Книге. Но, с другой стороны, если отдать инициативу соседям, ещё большее количество планов не смогут быть выполнены. Так что, принципиальный вопрос – только в записях в Книге.

Старик кивнул головой в знак согласия:

– Да, понятно. Но всё равно... Менять записи в Книге. Это делается крайне редко. Есть какие-нибудь варианты без этого?

– Только, если обратиться за содействием в Отдел Случаев. Но вы понимаете...

– Это полностью исключено. Так что, принимаем? – Он оглядел присутствующих. – Принимаем? Соображения, замечания? – и вдруг опять сорвался: – Вы хоть что-то сказать можете? Ладно, все свободны. Вопрос с Книгой я решу сам.

Это значит – его план принят. Он вышел из зала совещаний. По тому, как Огненная секретарша благосклонно кивнула ему, он понял, что Старик доволен. Что появилась надежда.

Всё-таки он не зря ест свой хлеб.

Он на минуту задержался в приёмной и, пока ждал лифта, сел, откинулся на спинку и закрыл глаза. Неделя началась тяжело. Он взял из воздуха лютню и тронул струны. Besame mucho... Та женщина... Секретарша вспомнила и чуть заметно улыбнулась.

Они не зря едят свой хлеб.

Подожёл лифт. Он шагнул внутрь.

Теперь надо работать.

И главное сейчас – спасение.

Спасение Объекта

Она была его женой. Матерью его любимой дочки, любимой подругой, студенческой любовью. Войдя в аудиторию в первый день занятий, она окинула всех взглядом, подошла и села с ним за одну парту, и с тех пор их жизни были неразлучны. Он делал ей лабораторные, практикумы и курсовые. Что-то он пытался ей объяснять, но чаще – просто делал, обсчитывал, и составлял графики и таблицы. И давал ей на оформление. Она хорошо оформляла результаты работы. На четвертом курсе они поженились, и, когда через год подошло распределение, он сказал, что любимая жена и будущая мать ребёнка может сидеть дома.

Она была его любимой женой и единственной женщиной. Когда у них родилось маленькое сокровище, всё его внимание в жизни сосредоточилось на двух женщинах – маленькой, лежащей в своей крохотной кроватке, и большой – его жене и матери его ребёнка.

Государь – основатель их города выбрал не самое лучшее место для его постройки. Трубы предприятий рядом с местом, где они жили, не улучшали гнилостный климат. Он приходил вечерами домой и, если у подъезда стояла карета скорой помощи, вбегал наверх, гадая – к кому из его двух женщин был вызван сегодня врач. Уже по тому, что у подъезда стояла белая машина с крестом, он знал, что приехали к ним и больше ни к кому.

Поэтому, как только стало возможным, он взял своих женщин в охапку и со слезами родных, но без «Прощания славянки» увёз их как можно дальше от родного города. За три моря.

Она входила в салон самолёта, ведя за руку малюсенькую дочку в больших очках с заклеенным одним стеклом, и знала, что больше сюда не вернётся.

Жизнь за морем отличается от жизни дома. Жизнь приглашённого специалиста за морем отличается от жизни за морем. Он работал. Она ходила в бассейны и занималась дочкой и семьей. Жизнь приглашённого специалиста за морем отличается от жизни дома.

Ей всегда всё в жизни удавалось легко. Она не удивлялась – так и должно быть. «Протяни руку и возьми», – говорила она, и так оно и было. После выпускного, отвергнув давнего друга, она поехала в Северную столицу поступать в университет. Не то, чтобы он ей совсем не нравился. Она просто не хотела, как мать, ждать мужа из многомесячных дальних походов. Наивный мальчик, что с такой гордостью показал ей вызов из Нахимовского училища. Жить нужно легко и весело.

Университет она окончила женой. Жизнь должна идти по плану. Чтобы точно знать, что будет впереди. Она жила легко и радостно и не понимала тех, у кого так не получалось.

Муж увёз их из тёмного, мрачного города. За море. «Бежали, как из блокады». Так и должно быть. Жизнь прекрасна и распланирована. Днём – бассейн, шопинг. Вечером – муж. Так и должно быть.

Планы немного нарушились, когда муж решил уехать ещё дальше. За океан. Но она не должна расстраиваться. Она создана для того, чтобы лежать у бассейна и пробовать ногой воду. Так должно быть. Есть муж, и он обо всём заботится.

Конечно, в Японии было хорошо и приятно. Но её иногда начинали раздражать эти... Особенно в небольших городках. Подходили, касались пальцами – белое лицо, трогали за нос.

Нет, за океаном ей будет лучше. Тем более дочь растёт. Ходить в японскую школу? Надевать эти чулки? Нет, она определенно хотела уехать. И как можно скорее. Как шикарно она будет смотреться в бальных залах с хрустальными люстрами в длинном белом платье. Она только сейчас поняла, что она всегда мечтала жить за океаном.

Но за океаном что-то пошло не так. Не по плану.

Это был весёлый воскресный день. На катке играла музыка и горели красивые фонарики. Она любила ходить на каток. Это ей напоминало зимы там, куда она больше не вернётся. Они катались с мужем на катке под звуки музыки, как вдруг он не удержался на повороте и упал, ударившись лицом о загородку. Ранка на десне была небольшая, пустяковая, но кровь не останавливалась, и он пошёл к врачу. Врач взял кровь на анализ и на следующий день позвонил ему по телефону. Собираясь в госпиталь, он сказал жене, чтобы она оформляла дом на себя, потому что из госпиталя он уже не выйдет.

Из госпиталя он уже не вышел. Лёжа на кровати, весь в трубках, похудевший, с выпавшими волосами, он смотрел на свою жену – на ту, с которой он хотел дожить до старости, ходить с ней, взявшись за руки по песчаному берегу, и знал, что ничего этого не будет. Что их линия времени вот-вот прервётся, у них не будет продолжения, они не будут плыть сквозь годы вместе. Он видел страх в глазах жены. Он знал, что она думает, видел, как она боится неотвратимо наступающего момента. Боится, потому что она остаётся одна, беспомощная и не приспособленная к жизни. Без работы, специальности, языка и с тающими деньгами.

Планы на жизнь рушились. Отец, отставной офицер-подводник, звал вернуться. И даже обещал отдать ей свой «москвич». Вернуться? «Москвич»??? У неё была новенькая красная «королла». Правда, её пришлось продать. Новые друзья, с которыми так приятно и легко было на пикниках, предложили ей за машину в два раза меньше, чем она стоила. Но пришлось продать. Жизнь пошла не по плану, и с этим надо было что-то делать.

Она, впрочем, уже знала что. Она поняла это, когда муж лежал на больничной койке, и стало понятно, что он оттуда уже не выйдет. Выход был простой. Найти мужчину. Глупые французы с их «шерше ля фам». Хотя, конечно, французское вино и сыр... Но искать женщину??? Она предпочитала проводить время с мужчинами.

Это было правильное решение. Оставалось немного подождать. Врачи говорили – немного. Недели две. Ну месяц. Жизнь должна идти по плану.

Он чувствовал, как в её мозгу лихорадочно прокручиваются варианты. Эти варианты добавляли ему мучений, боли и тоски, но он любил жену, он знал, что их линия времени скоро прервётся, и он понимал, что две самые любимые его женщины, единственные, для которых он жил и творил, остаются теперь без него. Он смирился с тем, что она будет с другим. Что не ему суждено в старости ходить с ней по берегу, держась за руки, глядя на заходящий диск солнца.

Он всегда заботился о своих двух женщинах – о жене и дочке. Когда он ушёл из госпиталя, он положил перед своей женщиной брошюру местного колледжа и открыл ту страницу, где были вечерние классы, которые вёл русский профессор. Он знал, что с языком у неё плохо, и русский учитель был единственным, кто мог помочь.

Войдя в аудиторию в первый день занятий, она окинула всех взглядом и выбрала место в третьем ряду в центре – перед доской и перед столом где уже сидел, раскладывая бумаги молодой профессор.

Вовремя исправленная запись в Книге исполнилась. Он ушёл.

На заседании Совета Наблюдателей отметили первый успех в операции. Он принимал поздравления. Он – профессионал. Но что-то непривычное вдруг кольнуло где-то там, глубоко внутри. И Старик впервые внимательно посмотрел на него. Но сейчас – не до сантиментов и психоанализа. Надо работать. Остальное – потом.

Он весь погрузился в работу. Его стол был завален исписанными клочками бумаг с набросками, схемами со стрелочками разных цветов, форм и направлений. Обрывки разных мыслей – что-то зачёркнуто, что-то подчёркнуто, обведено, двойные и изогнутые линии на полях, восклицательные знаки...

Иногда он вносил какие-то записи в свой черновик. Он знал, что инструкции категорически запрещают вести личные дневники, но он давно уже пользовался некоторой негласной свободой. Он работал, и он любил эту работу. Его ценили в Канцелярии. И на его тетрадку, которую он держал в ящике под кипой хламья, Служба Безопасности пока закрывала глаза.

История осенней любви

*Покажите мне дом,
Что остался за дальним туманом...*

Тишина в доме, заваленном пустыми коробками и давно не убираемым хламом, прерывалась слабым гулом ветра в каминной трубе. Большой обеденный стол с потухшим огарком свечи в серебряном канделябре был завален горами исписанной бумаги. По расположению пыльных стульев угадывалось, что когда-то здесь за совместными трапезами собирались люди, но давно уже к столу никто не садился и свечи в канделябрах никто не зажигал. Единственное место, не несущее следов давнего запустения, – угол возле камина, в котором помещались два покрытых белыми шкурами кресла оранжевой кожи. На каминной полке темнели давно не протираемые от пыли сувенирные кружки, глиняные безделушки, и в центре – часы домиком. Полусгоревшие дрова и толстый слой пепла заполняли камин.

– Камин тоже с тех времён не зажигал? – спросил один из сидящих в кресле мужчин и поставил бокал с коньяком на столик.

– Да.

Ответивший, с заметной проседью в усах, отпил из своего и поставил его рядом.

– Дрова – с тех времён. И тот же пепел. Все, как было в то Рождество.

Две руки протянулись к столу, два бокала совершили полукруг и вернулись на своё место. Мужчина с седыми усами смотрел на прямоугольный след на стене. Снятая со своего места и повернутая лицом к стене большая портретная фотография была покрыта паутиной. Наступило молчание.

– Она была студенткой в моём классе. Я преподавал в колледже. Вечерние классы – в основном для взрослых. Перед началом семестра профессорам выдают списки студентов. Я переносил имена в свой журнал и обратил внимание на русское имя. Класс был как класс. Лекции, проверки заданий. С заданиями у неё было не очень, и она часто присылала письма с вопросами. Эти её письма я до сих пор храню, только компьютер тот больше не включаю. Ближе к концу, когда работы усложнились, она стала приходить на консультации. Сидела, ждала, пока я закончу с другими студентами, писала свои программы. Вступала в разговоры. Она была привлекательна и красива, но, ты понимаешь, – я же преподаватель. Профессиональная этика и всё такое.

Семестр кончался, наступило последнее занятие перед экзаменом. К концу класса у моего стола собрались студенты с последними вопросами. Наконец они разошлись и она осталась одна. Задала несколько вопросов. Я до сих пор помню, что она спрашивала. Но она подошла не для этого. В её руках была карточка с телефонами и адресом почты.

– Звоните мне, пожалуйста. Нам надо поддерживать связь.

Мы вышли на улицу. Было темно, моросил дождик. Мы стояли на ступеньках под зонтиками, и она ждала моего шага – ведь ее карточка была у меня. Несколько секунд я решался. Карточка была, но, может быть, это было то, что было, – приглашение соотечественнику поддерживать связь, и дома ее ждут. Тем не менее она ждала. Наконец я нарушил молчание:

– Поздно.

– Да, вам, наверное, надо идти. Дома ждут жена, кошечка, – на лице жалкая улыбка, губки еле заметно подрагивают.

- Ни жена, ни кошечка не ждут. С женой последнее время были большие разногласия.
- Но ведь в семье все должно решаться сообща.
- Совершенно верно. Я тоже так считаю.

Пауза. Она ждёт. Что делать?

Помните эту сцену из старого фильма: «Как пройти в библиотеку?». Вот и я не придумал ничего лучшего:

- Устал. Не знаете, где можно здесь неподалёку попить кофе?
- Для кофе уже поздно.

Сердце пошло вниз. Значит, не то. И тогда – как в омут с головой:

- Может, как-нибудь на неделе на ланч сходим?
- Давайте.
- Я вам позвоню.
- Хорошо. Я буду ждать.

Мы разошлись. Карточка жгла мне портфель, и жар передавался в руку. Придя домой, я достал её – прямоугольник бумаги, на котором в трёх строках написаны коды моей судьбы. Русским почерком – тем, который ставится в школе и который так узнаётся в любой стране, когда русская женщина пишет по-английски, – написаны имя и телефоны. Звонить ещё не поздно, хотя классы вечерние. Беру телефон – чего ждать? Сердце прыгает, пальцы не попадают по кнопкам.

- Ира, здравствуйте. Может, мы сейчас договоримся насчет ланча, например, во вторник?
- Хорошо.
- Вы какую кухню предпочитаете?
- Японскую.
- Отлично. Я знаю пару неплохих мест неподалёку. Договорились.

Как прошла ночь и следующий день – не помню. Помню только одно: до вторника четыре дня. Долго. Вечером набираю номер:

- Ира, здравствуйте. Я подумал, может, мы поменяем и поужинаем в понедельник, чтобы не ждать до вторника?
- Но в понедельник ведь экзамен?
- Сразу после экзамена.
- Хорошо.

Наивный хитрец. Перенеся день, я заодно перенёс и время. Вместо невинного ланча телефон теперь передал совсем другое приглашение. И оно было принято.

Включаю компьютер. И пишу всему классу: «Информация об экзамене. На экзамен будет отведен один час ровно. Работы, не сданные после этого времени, приниматься не будут. У меня в этот вечер важное личное дело, и я с большим удовольствием покину колледж ровно в семь».

Я думаю, многие студенты удивились этой рассылке. Но моё письмо, хотя и разосланное всему классу, было адресовано только одной женщине – той, с которой я только что договорился идти на ужин и с которой, я уже чувствовал, начинается совершенно новая глава моей жизни. Я ещё не знал, какая глава, но предвкушение нового, радость возможного счастья уже жгли моё сердце. Короткий текст письма переводился просто: «Я очень рад и горю нетерпением в ожидании нашего ужина». И она прочитала его правильно.

Подготовка

До понедельника было не много времени и много дел. Во-первых, нужно было подготовить вариант экзамена. Но самое главное дело я сделал на следующий же день. Я поехал в магазинчик, где продавали заморские деликатесы, и там, в ряду с посудой, выбрал две маленькие фарфоровые кофейные чашки с блюдечками. Уже у кассы увидел шоколадную розу в красивой золотистой обертке и положил её рядом. Две маленькие кофейные чашки с блюдечками и шоколадная роза на ленте транспортера. Стоявшая за мной женщина, оценив мои покупки, с пониманием улыбнулась. Мне улыбалась сама жизнь, я смело шел вперёд, поднимаясь к вершине, и я знал, что в понедельник в ресторане кофе заказываться не будет.

Оставалась ещё одна деталь. Я хотел приготовить кофе так, как меня когда-то учил мой давнишний друг. Этот кофе должен был быть сварен так, как я никогда не варил до этого и как я, наверное, варить больше не буду, потому что уже незачем. Это должен был быть не кофе. Это должно было быть моим заявлением. Моим орудием завоевания. Первобытной дубиной, рыцарским мечом, дворянской шпагой. В канун Рождества он должен был нести тонкий аромат весенних полей, распускающихся в саду цветов. Он должен был передавать цвета восхода солнца и тени луны. Он должен был вместить радугу и капли летнего дождя. В одной небольшой чашечке должна была поместиться вся поэзия, накопленная человечеством за десять тысяч лет воспевания женщины, и еще оставить место для рыцарских романов, для Айвенго и алых парусов, для духов и туманов. Это должна была быть симфония, опера и кантата. Это должен быть кофе, сваренный мною для моей женщины.

Поэтому я отправился в арабский магазин и после недолгих поисков снял с гвоздя на стене моё орудие предъявления моих первобытных прав. Джемба. Как раз такая, как мне надо. С правильным дном, правильной формы. Джемба с большой буквы. Пакет арабского кофе стоял тут же. Необходимые пряности пришлось искать. Я не знал их названий по-английски, а посмотреть заранее не догадался. Но уходить без них я не собирался и был готов пробыть там столько, сколько нужно, но уйти во всеоружии и с открытым забралом.

До утра понедельника осталось несколько часов, и теперь можно приступать к наименее существенному делу – подготовить вариант экзамена. Спать некогда. Завтра – мой день.

Экзамен

Без пяти минут шесть розданы варианты экзамена. Проход по рядам. Проверка, что, кроме ручек и карандашей, на столах ничего не лежит. Ровно в шесть часов дана команда перевернуть экзаменационные листы и начать экзамен. На доске пишется время начала и конца. Время пошло. Через каждые пятнадцать минут исправляется время, оставшееся до окончания. В классе чувствуется напряженность. Для них эти пятнадцать минут проходят очень быстро. Для меня – очень медленно. Наконец начинают сдавать первые работы. Еще пять минут. Осталось несколько человек. Среди них – она. Время истекло. Она сдает последней, но точно в срок. Я кладу пачки исписанной бумаги в портфель, вытираю доску. Она – собирает свою сумочку и подгадывает время под меня. Вместе выходим из класса, и я гашу свет. Проходим к выходу. На ступеньках, тех самых ступеньках входа в колледж, она говорит адрес и как ехать. Я там буду через пятнадцать минут.

Моя машина чиста снаружи и прибрана внутри. Я – в своих лучших брюках и ботинках. Выбрит и причесан. Я готов. Звонок в дверь. Дверь открывается практически сразу. Она уже собрана. Идём к машине. Открываю ей дверь, жду, когда она устроится, и аккуратно закрываю. Сажусь. Поехали. В проигрывателе поставлен диск с французскими шансонами. Выбрано правильное место и отрегулирована громкость, чтобы песни звучали тихо и романтично, ноктурно и завораживающе. Создавали легкую тоску и хорошее настроение. До центра города десять минут. Вопрос с парковкой меня не волнует. Моя основная работа как раз в центре, и у меня есть карточка в подземный гараж. Мою спутницу такое проявление посвященности впечатляет. Настроение для ресторана и, похоже, для вечера создано. Выходим в темноту ночи.

Ночь

Все города, где я только ни побывал во время моих странствий по свету, особенно красивы ночью. Ночь скрывает пыль, грязь и мусор, которым люди так любят отмечать своё пребывание на земле. Включаются декоративные лампочки и подсветка. В реках и прудах отражаются городские огни. Из воздуха вместе с дневной духотой исчезает мирская суета, и наступает освежающая прохлада. Земля поворачивает своё лицо к отдалённым туманностям и галактикам, открывает людям глубину неба, удалённость вечных звезд, луну, плывущую в облаках сквозь голые ветки осенних деревьев. Ночь – это не время Темноты. Ночь – время Романтиков. Время романсов и серенад под гитару. Это время любви и мечтаний. Ночь открывает человеку связь с давно ушедшими временами и даёт возможность продолжить себя в будущее. Пройдитесь ночью по опустевшему средневековому городу, тускло освещённому редкими фонарями на пересечениях кривых улочек. Услышите в полной тишине, как громко звучат ваши шаги по старым плитам и камням брусчатки. И если вам не почудился в наглухо закрытых ставнях проблеск света от лампы сгорбленного алхимика, если под балкончиком за поворотом вам не мелькнула неясная тень закутанного в плащ кабальеро с гитарой и шпагой, закройте эту книгу. Вы – не мой читатель.

В фешенебельном пригороде, примыкающем к столице с севера, особенно красива ночью центральная улица. Стволы деревьев на бульваре обёрнуты нитями светящихся гирлянд. В окнах высоких офисных зданий загорелся свет. Рестораны и магазины распахнули свои двери. Люди толпятся у стоек баров и у магазина мороженого на углу. Японский ресторан выходит окнами на бульвар, и перед нами открывается текущая непрерывная река людей, каждый со своими делами, каждый со своими заботами. Может, у того молодого человека разбито сердце и он ищет утешения и забвения, все равно призрачного и бесполезного. Эта счастливая пара сейчас вне времени и пространства. Она существует только для себя и в себе. Надолго ли хватит защитного покрывала, скрывающего их от мира? Надолго ли хватит их любви, чтобы оградить их от разрушающего света дня, неизбежно приносящего никчёмную глупую суету и мелочные заботы?

Я люблю восточную кухню и лихо обращаюсь с палочками. Мои познания в суши сформировались во время ланчей с коллегами, и я уверенно макаю ролл с васаби сверху в соевый соус. Моя спутница не торопится и раскладывает свои роллы суши и сашими на тарелке. Прихожу ей на помощь – вот хрен, но будьте осторожны, он хорошо пробивает. Она тонко улыбается:

– Я жила в Японии пять лет, это, конечно, не совсем суши и не совсем сашими, но все равно очень вкусно.

Развитие совершенно неожиданное.

– Вы жили в Японии? Как это интересно! Расскажите!

Япония. Страна за далёкими морями. Страна Фудзиямы с вершиной в до боли в глазах белом снегу. Страна восходящего солнца, красочных кимоно чистейшего шёлка. Страна поклонов и улыбок. Страна самураев и кодекса чести. Зачем мне рассказывать о Японии, где я никогда не был? Что я смогу вам сказать?

Ужин подходил к концу. Мы давно уже были на ты. Подходит официантка и спрашивает насчёт десерта. Наступает время истины.

– У меня есть предложение не брать здесь десерт, а поехать попить кофе ко мне. Я постараюсь приготовить хороший кофе.

– Нет, спасибо...

Всё рухнуло.

– ...Поедем лучше ко мне.

Кто говорит, что ночь – время тёмных сил и зла? Не слушайте его лживых речей, отвернитесь от его бесстыжих глаз! Ночь – время, когда рождаются надежды. Ночь – время, когда приходит счастье и обновление. Вчера вечером ветки на деревьях были голые. Утром на них уже набухли почки. Это новое – результат ночи. Сама вселенная зародилась из мрака. Ночь – время любви, которая движет миром.

Кофе

Собственно говоря, всем должно быть понятно, что произошло после того, как мы покинули ресторан и поехали назад. Я всегда удивлялся, как женщина, в первый раз встретившись с мужчиной, не побоялась заехать с ним в пустынный подвальный гараж и потом вернуться туда же за машиной. Но она потом говорила, что она весь семестр смотрела на мои руки в мелу у доски и что полюбила меня за мои руки. Что мои руки давали ей чувство уверенности и защищённости.

Кофе пили на кухне за маленьким столиком, сидя рядом друг с другом. Моя рука оказалась на её талии, и она подвинулась чуть поближе, чтобы мне не нужно было тянуться второй, дальней рукой. Между моими ладонями и её кожей была тонкая белая кофточка, и в какой-то момент её ткань оказалась сверху...

Любовь, зародившаяся в декабре, накануне Рождества, должна была быть удивительно волшебной и прекрасной. Рождественская сказка спустилась на землю после векового отсутствия и выбрала для этого нас. В ночь за неделю перед Рождеством мы были выбраны для того, чтобы пронести огонь любви дальше и передать его потомкам.

Утром, я наклонился, чтобы завязать ботинки, и она увидела пробивающуюся на макушке лысину.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать семь. Старый? – я посмотрел на неё снизу вверх.

– Нет. Мне тридцать пять.

Я выпрямился. Она обняла меня, и я почувствовал, как удивительно правильно мы подошли друг к другу. Мы соединились, как две половинки разорванного листа, – без всяких просветов и сгибов, как будто этот лист никогда не разрывался. Она ещё раз тронула пальцами мою макушку и пошагала по коже пальцами.

Как она потом любила это делать!

Каждую пару бережет свой ангел-хранитель. Нас берегли наши руки. Нам надо было только взяться за руки, только обняться – и все проблемы и разногласия уходили без следа. Мы опять становились одним целым, одним неразорванным листом бумаги, на котором писалась история нашей любви. Не оказалось моих рук рядом в тот момент, когда они были особенно нужны. Не увидел ангел – хранитель, не успел вовремя.

Любовь

Любовь, вспыхнувшая внезапно между двумя одинокими людьми в чужой стране, разгорелась в один момент и поглотила нас без остатка. Мы искали каждую минуту, чтобы быть вместе. Она приезжала в центр, к офису компании, чтобы сходить со мной на ланч. По субботам она ездила в колледж на языковые занятия, но выезжала намного раньше и приходила ко мне, ещё спящему в своей квартире. У неё были ключи от моей квартиры и от моей судьбы. Если я уезжал, она приходила в пустую квартиру и плакала в одиночестве. К моему приезду на столе стояла карточка со словами «Здравствуй, любимый». Все выходные мы проводили вместе. Мы не могли оторваться друг от друга, выходили только чтобы поесть, словно наверстывая прошедшие годы. Работая и преподавая по вечерам, почти без ночного сна, я не знал, что такое усталость. Работа шла, любовь горела в груди, душа парила в облаках, и жизнь, казалось, повернулась ко мне своей лучшей стороной.

Мы обошли все места и все парки в окрестностях. Она смеялись моим шуткам, она наслаждалась моей хитрой улыбкой в усы, она клала руку мне на шею в машине, и я не хотел поворачивать голову, чтобы посмотреть в зеркало.

Она любила смотреть, как я ем. Она наливала мне тарелку супа и, опираясь локтями на стол, стояла, совершенно по-женски подперев голову рукой, и смотрела.

– Я люблю смотреть, как ты ешь.

И это была музыка сердца.

Она приходила ко мне, и я ей жарил на гриле еду, которой она не могла наесться. Мы объездили всё побережье. Мы стояли, взявшись за руки у горных водопадов. Мы целовались под гром салютов Дня Независимости в городках на берегу океана, сидя на балконе, глядя на проходящих внизу людей и ужиная сочными крабами и креветками. Мы брали шампанское в номер и вешали табличку «Не тревожить».

Мы... Но зачем я буду тревожить то, что было. Пусть это останется там, в дальних углах памяти, закрытых тяжёлыми дверями под пыльными заржавленными замками. В тех углах, вход в которые охраняет сонный древний страж с потемневшим конвертом из-за обшлага: «Не велено».

Она позволяла мне всё, и в ответ получала то же. Она прощала мне любые обиды, которые я наносил по глупости или незнанию, обиды, которые она не простила бы больше никому, и я ей прощал все её обиды и всю ревность, даже к родителям и ребёнку, потому что любовь закрывает на всё глаза.

Она наслаждалась своей безграничной властью, данной ей её первобытной праmaterью. Она знала, что власть её абсолютна и распространяется на любого мужчину, оказавшегося в её окружении. Глядя на это, я часто вспоминал срок, прошедший между двумя постелями – смертной постелью её мужа и нашей первой постелью любви. Любовь слепа. И любовь эгоистична. Я хотел быть у неё одним, единственным и незабываемым. Я хотел быть с ней перед лицом вечности, и, будучи программистом и выстраивая цепи событий, я смутно чувствовал за спиной давящий на плечи тяжкий груз. Призрак первого мужа невесомой тяжестью давил

на моё сердце. Лежа на его месте, я чувствовал направленный на меня его взгляд, я ощущал холод, идущий от его подушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.